

Изъ записокъ Н. В. Исакова ¹⁾.

(Продолженіе).

V. Осада аула Салты. VI. Темиръ-Ханъ-Шура. Поѣздка въ Баку. VII. Вторая экспедиція въ Гергебиль.

Быль конецъ іюля; оставалось еще много хорошаго времени. Предыдущее ничего не принесло въ этомъ году, нужно же было однако закончить его чѣмъ-нибудь приличнымъ. Стали поговаривать о новой экспедиціи. Какъ только стихла нѣсколько холера въ долинахъ, 26 іюля мы въ два перехода спустились съ Турчидага къ с. Салтамъ, подвезли на буйволахъ тяжелыя орудія, разработавъ для этого дороги и спуски, и заложили правильныя траншеи передъ ауломъ. Салты стояли въ долинѣ между двухъ хребтовъ невысокихъ горъ и запирали ее; съ лѣваго фланга аула былъ глубокой оврагъ, справа рѣчка, а за нею высоты командовали ауломъ. Сзади аула были обширныя сады, террасами спускающіеся по направленію къ Салтинскому мосту черезъ р. Койсу; дорога шла къ нему изъ аула по глубокому оврагу, для насъ скрыто. Ауль былъ обнесенъ высокою стѣною съ башнями. Гарнизонъ рѣшилъ защищаться. Инженерныя работы были поручены подполковнику инженеровъ Эдуарду Ивановичу Кеслеру. Штабъ съ частью войскъ сталъ на ближайшихъ высотахъ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, войска заняли долину. Работы у Кеслера закипѣла. Гр. Фрицъ Гейденъ съ охотниками заложилъ близко къ стѣнѣ первую траншею: подползъ по рву подъ стѣны аула и измѣрилъ разстояніе въ глухую темную ночь удачно и получилъ за это Георгія 4 ст. Кн. Алексан-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1917 гѣда.

дру Гагарину поручено было укрѣпиться съ 2 батальонами со стороны, а съ тыла, охраняя лагерь, былъ Графскаго Ширванскаго полка батальонъ Бибанона. За штабомъ въ лощинѣ стоялъ обозъ и маркитанты; ежевечерне тамъ былъ торгъ и огни. У кн. Воронцова палатка была поднята, горѣли свѣчи; онъ по вечерамъ игралъ съ сыномъ и б. Николаи въ ломберъ, какъ отдохновеніе отъ дневныхъ тревогъ и заботъ. Непрiятель, привлеченный этой иллюминаціей съ высотъ, окружающихъ нашу позицію, началъ каждый вечеръ стрѣлять по этимъ огнямъ изъ орудій, которыя подвозилъ отъ Салтинскаго моста. Аргутинскому было непрiятно, что въ командуемомъ имъ отрядѣ главнокомандующій видитъ такую наглость горцевъ, и онъ вознамѣрился наказать ихъ. Пока мы къ этому готовились, каждый вечеръ нѣсколько непрiятельскихъ гранатъ рвало надъ площадкой, гдѣ стояла палатка кн. Воронцова. Онъ прерывалъ свою партію и выходилъ смотрѣть на нихъ, какъ на представленіе, заложивши за спину руки; около него всегда собиралась штабная группа, въ которой однажды Коцебу открылъ, что маленькій докторъ прятался за него при разрывѣ гранаты. „И нашли же вы за кого прятаться“, сказалъ онъ смущенному маленькому прiѣзжему доктору. (Коцебу былъ самъ очень маленькаго роста).

Аргутинскій былъ не въ духѣ: всею осадю завладѣлъ Коцебу. Это было въ порядкѣ вещей: шли инженерныя работы, строились брешь-батареи; Аргутинскій ничего въ этомъ не смыслилъ, но сердился, что ему какъ будто выпадала второстепенная роль внѣшнихъ дѣйствій, когда главнокомандующій былъ у него въ отрядѣ, какъ бы въ гостяхъ. Стычки съ Коцебу у него дошли уже до неприличія. При какомъ-то объѣздѣ онъ вышелъ до того изъ себя (мнѣ рассказывали свидѣтели, я самъ тутъ не былъ), что онъ назвалъ Коцебу „мальчишкой“, а Коцебу его „армяшкой“. Я не вполне, признаюсь, вѣрю этому, но я его видѣлъ въ очень возбужденномъ состояніи при возвращеніи и, вѣроятно, что-нибудь крупное произошло.

Приготовляясь къ ночному движенію, чтобы прекратить дерзкое обстрѣливаніе нашего лагеря, Аргутинскій, какъ всегда, хранилъ свое намѣреніе въ тайнѣ, никому, кромѣ преданныхъ своихъ татаръ, не говорилъ о немъ. Обыкновенный признакъ, что у него голова была занята какимъ-нибудь планомъ, былъ одинъ и тотъ же: онъ ничего не ѣлъ кромѣ супу и пилъ только немножко портеру въ теченіе нѣсколькихъ дней, дабы сохранить свѣжесть мыслей и обдумать заранѣе всѣ подробности случайностей.

Въ это время, поднимали ежедневно войска на гору засвѣтло, чтобы приучить непріятеля видѣть это движеніе и принимать его только за желаніе оградить нашъ лагерь. Я, въ свою очередь, попался разъ за какое-то позабытое мною приказаніе Аргутинскаго; онъ сердито мнѣ сказалъ: „Если вы хотите, Николай Васильевичъ, служить со мной, то исполняйте мои приказанія непремѣнно“. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы возвращались съ позиціи, онъ, какъ будто ничего не бывало, говоритъ: „Что, любезный Николай Васильевичъ, ты такой молчаливый сегодня“. Онъ былъ медвѣдь, и когда сердить, и когда хотѣлъ заставить забыть, что онъ былъ сердить. Но это была единственная размолвка со мною, вина, впрочемъ, была моя. Однако же Коцебу мнѣ жаловался на кн. Моисея Захаровича, за его неприличныя выходки; я былъ старый подчиненный Коцебу и опасался, какъ бы не попасть между двухъ огней, но это прошло безъ послѣдствій.

7 августа до заката солнца войска были подняты по обыкновенію на гору; непріятель могъ издали сосчитать, что это тѣ же 2 горныхъ орудія, 2 баталіона и сотня конной милиціи, но когда стемнѣло, то къ намъ присоединились войска изъ лагеря и отрядъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты со всѣми горными орудіями для движенія на лагерь непріятеля былъ готовъ. Кавалерія была впереди, состояла изъ разныхъ племенъ дагестанскихъ, подъ командою маіора кн. Гагарина, поддержаннаго дивизиономъ Нижегородскихъ драгунъ, которому кн. Воронцовъ хотѣлъ дать случай отличиться. Пока войска въ страшной темнотѣ устраивались, выдвигались, прибывали, пріѣхалъ къ отряду кн. Воронцовъ, спросилъ меня, гдѣ бы ему прилечь. Разослали бурку у одного изъ батальоновъ, и онъ приказалъ мнѣ разбудить его тотчасъ же, какъ батальону придется двигаться. Старый боецъ сейчасъ же заснулъ, окруженный адъютантами, чтобы въ темнотѣ его какъ-нибудь не зацѣпило. Аргутинскій передъ движеніемъ передалъ мнѣ свое намѣреніе сдѣлать внезапное наступленіе, но не сказалъ мнѣ, что насъ ожидаетъ со стороны непріятеля, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ уже имѣлъ.

Войска ощупью подвигались впередъ, я подѣхалъ разбудить кн. Воронцова, адъютанты стали спорить со мной. Князь услышалъ, „Что, пора“, спросилъ онъ, „если пора, такъ поѣдемъ“, сѣлъ на своего темносѣраго „Багу“, и, какъ ни въ чемъ не бывало, потихоньку поѣхалъ за двигающимися ощупью батальонами. Стало брезжить, войска прибавили ходу, мѣстность для меня была совсѣмъ незнакомая; открытая голая поверхность горнаго

хребта. Послышались первые выстрѣлы. Аргутинскій мнѣ сказалъ: „Возьмите, любезный Н. В., \angle баталіона и 2 орудія и, вправо выдвинувшись, вы увидите внизу непріятельскій лагерь, откройте огонь; наша кавалерія должна быть скоро въ лагерь, если кн. Гагаринъ такой молодецъ, какъ говоритъ главнокомандующій“.

Черезъ 150 шаговъ вправо я очутился въ какомъ-то окошкѣ, въ которое я вдвинулъ 2 горныхъ орудія. Внизу подо мною, въ глубокой лощинѣ была какая-то невообразимая кутерьма. Сколько можно было разобрать, это былъ бивуакъ непріятеля, какъ видно многочисленнаго по объему. Много было и палатокъ. Кавалерія наша неслась въ лощину; вся эта татарва спросонья кидалась и стрѣляла; кони вырывались, всадники пѣшкомъ соскакивали въ кручу, спасаясь отъ нашей кавалеріи. Гранаты моихъ 2 орудій падали тамъ, гдѣ были кучи народа. Ясно было, что мы настигли ихъ дѣйствительно врасплохъ. Однако же кн. Аргутинскій исчезъ. Онъ съ 2 передовыми батальонами, не останавливаясь надъ лощиной, бѣгомъ обогнулъ ее, и все, что тамъ было, въ видѣ пѣхоты и главныхъ силъ непріятеля, бросилось внизъ по скаламъ, не пробуя дать какой бы то ни было отпоръ. Я поѣхалъ посмотреть, что дѣлается у Аргутинскаго, такъ какъ у меня представленіе уже кончилось. На пути я встрѣтилъ батальонъ, производящій страшную стрѣльбу; оказалось, что за непроходимымъ оврагомъ отъ него уходилъ одинъ лезгинъ, махавшій шапкой въ знакъ того, что онъ сдается. Весь батальонъ разрядилъ по немъ свои ружья, а лезгинъ все-таки ушелъ. Я нашелъ кн. Аргутинскаго пѣшкомъ на спускѣ, поддерживаемаго своимъ, вѣрнымъ Хаджи Бутаемъ. Впереди его стрѣлки наши пускали свои штуцерныя пули въ догонку бѣгущимъ стремглавъ внизъ, ошалѣвшимъ непріятелямъ ¹⁾. Аргутинскій былъ въ большомъ духѣ и смотрѣлъ какъ охотникъ, сдѣлавшій сурпризъ своимъ гостямъ. Движеніе было хорошо рассчитано, дѣло было лихое, въ полчаса времени непріятель былъ разметанъ, какъ песокъ. Общее возбужденіе увлекло бы насъ далеко, если бы Аргутинскаго не пришли звать къ главнокомандующему. Пыхтя и отдуваясь, поддерживаемый съ двухъ сторонъ, тучный Моисей Захаровичъ поднимался въ гору съ видомъ начальника, который умѣетъ и знаетъ, что можно сдѣлать съ кавказскими войсками.

¹⁾ Только одинъ стрѣлковый баталіонъ имѣлъ штуцера, а вся масса пѣхоты лишь гладкоствольныя винтовки съ ничтожной дѣйствительностью, и можно утвердительно замѣтить, что стрѣльбы въ пѣхотѣ у насъ не было, а была только пальба.

В. Колубанинъ.

Кн. Воронцовъ былъ доволенъ этою удачей, первую въ нынѣшнемъ году, и высказалъ Аргутинскому много такихъ пріятныхъ вещей, которыя послѣдному пришлись по сердцу. Коцебу съ нами не было: онъ оставался командовать въ лагерь, слѣдовательно, ничто не нарушало его хорошаго расположенія. Пока собирались войска, главнокомандующій прилегъ за большимъ камнемъ, и мы всѣ, усталые, тоже за каменьями.

По возвращеніи въ лагерь, пробираясь между палатками, я наткнулся у одной изъ нихъ на голую ногу, отрѣзанную выше колѣна, обутую въ сѣрый носокъ. И палатка и нога принадлежали бѣдному кн. Гагарину. Онъ впереди своей милиціи внесся въ лощину, гдѣ былъ лагерь, былъ раненъ, отнесенъ въ лагерь; позвали Пирогова, который позвалъ нѣсколько врачей посмотреть и отняли ногу въ науку ихъ неумѣлости, о консервативной хирургіи ни онъ, да и никто тогда не думалъ. Намъ невольно стало тогда приходить на мысль, не слишкомъ ли уже это быстро и нельзя ли, въ случаѣ подобномъ, быть подальше отъ Пирогова. Гагаринъ лежалъ довольно бодро, на его желѣзной походной кровати, въ головахъ, висѣла Анна 2 ст. Онъ былъ доволенъ. Жоржъ Гагаринъ былъ сынъ Павла Павловича Гагарина (впослѣдствіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта), служилъ давно въ линейскихъ казакахъ, и несмотря на эту ампутацію жилъ очень долго и только тучнѣлъ чрезмѣрно.

Когда я проснулся, на постели у меня сидѣлъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, гвардейскій офицеръ артиллеристъ, въ отчаяніи, что не пріѣхалъ нѣсколькими часами ранѣе. У него былъ въ отрядѣ брагъ.

Черезъ два дня мы сдѣлали такое же ночное движеніе въ правомъ флангѣ нашей позиціи также по высотамъ, но тамъ непріятели не нашли.

Осадныя работы шли своимъ чередомъ. У непріятели было нѣсколько орудій. Каждую ночь онъ дѣлалъ вылазки на нашихъ работахъ въ траншеяхъ, но этимъ работы не замедлялись.

Пріѣхалъ къ намъ въ лагерь инженерный ген. Бюрно, родомъ французъ, служившій въ Новороссійскомъ краѣ у кн. Воронцова, который къ нему благоволилъ и былъ не прочь дать ему случай отличиться. Инженерное дѣло было въ неспособныхъ рукахъ Кеслера, но туда мѣшаться не допускалъ Коцебу. Бюрно придумалъ портить воду въ единственной рѣкѣ, протекавшей черезъ нашъ лагерь и входившей въ аулъ, сталъ устраивать плотины изъ навоза и ежедневно приносилъ кн. Воронцову утромъ бутылку воды, для убѣжденія степени навознаго настоя, получае-

маго отъ насъ гарнизономъ вмѣсто воды. Потомъ предложилъ проектъ занятія отдѣльнымъ отрядомъ садовъ Салтинскихъ и тѣмъ прекращенія сообщенія гарнизона съ внѣшней помощью, расположенною у Салтинскаго моста, откуда смѣнялись защитники аула и доставлялся имъ провіантъ и снаряды. Предложеніе было разумно. Аргутинскій колебался только ввѣрить что-либо изъ своихъ войскъ неизвѣстному шарлатану-французу, какъ онъ его называлъ, и назначилъ 2 батальона съ 2 горными орудіями и полковника Бибансва, чтобы имѣть въ отрядѣ этомъ солиднаго начальника, и чтобы „проклятый шарлатанъ не надѣлалъ глупостей“, и приказалъ мнѣ быть также при г. Бюрно при занятіи садовъ.

Утромъ рано мы почти безъ выстрѣла заняли сады, горцы не ожидали этого. Сады всѣ были на террасахъ, одну изъ нихъ выбрали довольно обширную и стали на ней укрѣпляться, ожидая однако же, что горцы попробуютъ освободить свои сообщенія, на которыхъ мы располагались.

Принялись за траншеи, за прикрытія для батареи изъ двухъ орудій, засѣки. Бюрно былъ въ восхищеніи отъ удачнаго исполненія его плана, который онъ справедливо считалъ довольно труднымъ, ибо все движеніе сдѣлалось почти на ружейный выстрѣлъ отъ аула, а между тѣмъ въ садахъ не нашли ни одного горца. Два батальона: Графскій и Самурскій работали усиленно, чтобы прикрыться поскорѣе. Командиры ихъ, Бибановъ и Болотниковъ, еще разъ встрѣтились въ своей боевой жизни; въ первый разъ, въ 1843 г., еще молодыми, они нечаянно попались въ укрѣпленіи Низовомъ и выдержали долгую осаду и нѣсколько приступовъ, были не разъ въ отчаянномъ положеніи, но отстоялись и укрѣпленіе спасли. Они представляли два разные типа кавказскихъ командировъ: Бибановъ былъ умный отъ природы, съ образованіемъ университетскимъ, чрезвычайно энергичный и съ большою репутаціей отличнаго храбраго человѣка, суровый, угрюмый, мало общительный, съ привычкою нѣсколько разъ въ день пропускать чарку водки съ пирожкомъ, что онъ называлъ „пыжами“; болѣе правильная его трапеза состояла вечеромъ изъ тертой рѣдьки съ хрѣномъ. Въ общемъ лагерномъ расположеніи подъ Салтами, онъ стоялъ на скверномъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было зажечь свѣчи въ палаткѣ: горцы подкрадывались каждую ночь и его батальонъ ночевалъ обыкновенно въ завалахъ, не отвѣчая на огонь бросавшихся горцевъ до минуты, когда дѣлалъ общій залпъ; горцы затѣмъ его покидали до слѣдующей ночи. И командиръ и батальонъ были отличные. Кн. Аргутинскій на-

значилъ его въ экспедицію Бюрно, чтобы имѣть надежнаго человека при неизвѣстномъ французѣ. Другой командиръ, Болотниковъ, старый кавказскій офицеръ, съ нѣкоторою опытностью, но положительно безъ всѣхъ качествъ Бибанова. Пріѣхалъ Аргутинскій посмотреть, что дѣлается у Бюрно, послѣдній въ большомъ ударѣ, ломаннымъ русскимъ языкомъ насказалъ ему съ три короба. Аргутинскій, понимая очень хорошо, что можетъ быть съ этимъ отрядомъ, приказалъ какъ можно скорѣе окончить прикрытіе, не трогаться изъ него, если привезутъ котлы поздно, не варить пища до другого дня, съ наступленіемъ сумерекъ быть въ полной готовности.

Я долженъ былъ остаться до окончанія работъ, нарисовать и пріѣхать сообщить, какъ проведенъ день. Ко мнѣ изъ любопытства пристроился датскій офицеръ Дюпло, храбрый молодой человекъ, дѣлавшій съ нами экспедицію (онъ погибъ въ Шлеавигъ-Голштыяскую войну генераломъ). Непрiятель старался намъ мѣшать, но раненыхъ у насъ было немного: мѣстность позволяла скрыто работать. Когда было все кончено, и Бюрно при мнѣ сговорился съ Бибановымъ, какъ расположиться и какія мѣры принять на ночь, я съ Дюпло часу въ 5 уѣхали въ лагерь. На дорогѣ встрѣтили котлы на вьюкахъ, высланные отъ полковъ, когда получены были въ нихъ свѣдѣнія, что батальоны прочно заняли позицію. Какъ теперь вижу, на худыхъ артельныхъ коняхъ, съ обѣихъ сторонъ по двѣ опрокинутыя черныя большія чашки. Если бы кому пришло на мысль ихъ воротить, сколько бы жизней было сохранено. Вотъ что однако же произошло: съ наступленіемъ сумерекъ всякое сообщеніе съ лагеремъ было прекращено, и Бюрно, находясь на отдѣльномъ посту, не могъ ожидать помощи ниоткуда. Онъ это зналъ отъ Аргутинскаго. Какъ только стемнѣло, мы въ лагерьъ слышали перестрѣлку, очевидно, въ садахъ. Огонь сталъ учащаться и перешелъ въ непрерывный, чрезвычайно сильный, прерываемый безирестанными глухими выстрѣлами изъ орудій, по гулу ясно было, что они стрѣляютъ картечью. Очевидно было, что наша отдѣльная позиція въ горахъ была сильно атакована горцами. Положеніе въ лагерьъ было томительное, ночь темная, рисковать на помощь войсками было нельзя. Всѣ батареи въ лагерьъ открыли огонь по аулу, стрѣлки, ближайшіе къ аулу, открыли учащенный огонь тоже, чтобы страхомъ общей атаки на аулъ отвлечь нападающаго отъ нашего отряда въ садахъ. Послѣ 2 часовъ огонь въ садахъ замолкъ. Можно было надѣяться, что отрядъ отстоялъ позицію. Нужно было какъ-нибудь дождаться разсвѣта. Съ раз-

свѣтомъ Аргутинскій поѣхалъ въ сады; уже по дорогѣ, какимъ-то путемъ, дошли до насъ смутныя свѣдѣнія, что отрядъ понесъ большія потери. Обогнувъ аулъ, мы приближались къ рѣчкѣ, издали было видно много бѣлыхъ рубашекъ: солдаты изъ садовъ брали воду. Въ эту минуту черезъ рѣчку понесли кого-то на носилкахъ, покрытыхъ буркою, солдаты, бравшіе воду, сняли шапки, стали на колѣни, перекрестились и поклонились въ землю. Аргутинскій догадался: „Бибановъ убитъ“, проговорилъ онъ съ грустнымъ и раздраженнымъ вздохомъ. Я было попробовалъ отвлечь эту мысль. „Нѣтъ, любезный Н. В.“, сказалъ онъ, „другого солдаты не будутъ такъ провожать“. Поровнявшись съ носилками, офицеръ, ихъ провожавшій, взялъ подъ козырекъ и проговорилъ: „Полковникъ Бибановъ“, прежде нежели мы его спросили. Аргутинскій цѣнилъ его, какъ лучшаго батальоннаго командира, въ немъ онъ чувствовалъ потерю для своихъ войскъ и предчувствовалъ бѣду въ отрядѣ у Бюрно. Вотъ что оказалось: котлы пришли незадолго до сумерекъ; несмотря на уговоръ, Бюрно разрѣшилъ варить пищу, въ виду очень большой усталости солдатъ, проработавшихъ безсмѣнно цѣлый день по укрѣпленію. Уже было темно, когда одна рота спустилась въ оврагъ, вѣвъ укрѣпленія, къ котламъ; другая шла на смѣну, ружья были оставлены въ укрѣпленіи. Въ эту минуту подстерегавшіе горцы бросились въ большомъ числѣ на эти роты; свалка произошла страшная, большая часть изъ нашихъ, застигнутые врасплохъ, остались на мѣстѣ. Страшно было взглянуть на этотъ оврагъ, два офицера, бывшіе съ ними, лежали тамъ же. Непріятель, ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, окружилъ укрѣпленіе и намѣревался уничтожить этотъ отрядъ, судя по ожесточеннымъ его атакамъ.

Бибановъ, легко раненый въ голову, однако же хладнокровно распоряжался, велѣлъ всѣмъ лечь, стрѣлять съ фасовъ только залпами, этимъ спасъ отрядъ, ошеломленный этимъ нападеніемъ. Голосъ Бюрно былъ слышанъ изрѣдка: „мадамъ картечка“. Храбрый молодой артиллерійскій офицеръ выжидалъ и облавалъ горцевъ картечью, когда они дерзко кидались къ орудіямъ. Онъ не спѣшилъ однако же, зная, что зарядовъ немного, а ночь длинна. Команда Бибанова была слышна долго, пока пуля въ грудь не прекратила ее на вѣки, но отрядъ ободрился и отстоялся. Мы потеряли и въ укрѣпленіи много. Раненыхъ сносили, позади укрѣпленія рыли большую могилу; поджидали священника. Картина была раздражающая. Аргутинскій былъ въ негодованіи. Онъ прежде поблагодарилъ солдатъ и офицеровъ за то, что это

было не легко и въ катастрофѣ они не виноваты. Гнѣвъ его обрушился на подполковника Болотникова, оставшагося цѣлымъ: „Я нисколько не пожалѣлъ бы, если бы вы были на мѣстѣ Бибанова. Сколько вы потеряли вашею глупостью людей. Хорошіе батальоны разстроили. Если бы у васъ въ головѣ было больше мозгу, нежели шарлатанства“. Всѣ эти несвязныя слова и упреки были по адресу Бюрно, ибо Болотниковъ въ присутствіи Бибанова не имѣлъ никакого голоса. Но какъ могъ Бибановъ допустить такой явный беспорядокъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, это оставалось для насъ загадкой. Возвращаясь въ лагерь, я невольно подумалъ: если бы котлы съ дороги вернулись, не было бы катастрофы. Но тамъ былъ Бибановъ, слѣдовательно, не было сомнѣнія въ благоразумной распорядительности. Если бы мнѣ не было приказано пріѣхать, я бы остался тамъ на ночь и понесъ бы упрекъ за все случившееся, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Бюрно и Бибановъ меня не послушались бы, я слишкомъ молодъ и неопытенъ.

Черезъ нѣсколько дней по настоянію Аргутинскаго Бюрно былъ оттуда смѣненъ и его замѣнилъ командиръ Графскаго полка Плацъ-Бекъ-Кокумъ. Непрiятель сильныхъ нападений уже не предпринималъ; укрѣпленія улучшились и гарнизонъ усилился, но почти ежедневно по уступамъ горъ, командующихъ садами, въ опредѣленный часъ непрiятель подходилъ съ орудіями и пускалъ въ нашу позицію десятка два ядеръ и гранатъ; затѣмъ музыканты его, изъ бѣглыхъ солдатъ, играли нашу зорю, и непрiятель удалялся. Такое представленіе непрiятель давалъ въ часъ, когда у главнокомандующаго кончали обѣдать и выходили на террасу, откуда было видно все, какъ на ладони, и помѣшать этому было рѣшительно нечѣмъ, несмотря на безпрестанныя жалобы Кокума, котораго ежедневно разстрѣливали, хотя по справедливости сказать, съ очень небольшою потерей у насъ въ людяхъ. Такъ какъ на войнѣ все обращается въ шутку, не мало забавлялись въ штабѣ и этимъ представленіемъ, и самъ Аргутинскій въ своемъ интимномъ кругу подсмѣивался надъ Кокумомъ, говоря: „Какой Андрей Петровичъ сдѣлался безпокойный, чѣмъ же тамъ стоять не хорошо“. Осадныя работы подвигались впередъ. Василій Кузьмичъ Мищенко, назначенный траншей-маіоромъ, былъ раненъ въ животъ навзлетъ. Пироговъ ему сказалъ: „Если черезъ 3 дня у васъ будутъ кишки дѣйствовать, вы будете живы“. Бѣдный Мищенко былъ тогда женихомъ. Какимъ крикомъ онъ оповѣстилъ сосѣдей по палаткамъ, что онъ спасенъ, когда на 3 день онъ дѣйствительно совершилъ такой простой

актъ всегдашней жизни, который доказываетъ, что кишки дѣйствуютъ. Эта рана не помѣшала ему жениться, имѣть много дѣтей и жить еще долго.

Другой эпизодъ былъ грустиѣе. Къ отряду подошло подкрѣпленіе: Евдокимовъ привелъ 2 баталіона Дагестанскаго полка. Въ одномъ изъ нихъ 2 ротами, какъ младшій штабъ-офицеръ, командовалъ адъютантъ кн. Воронцова Глѣбовъ. На позиціи къ Евдокимову упало нѣсколько шальныхъ непріятельскихъ пуль изъ-за оврага, для насъ недоступнаго. Онъ выслалъ тотчасъ же Глѣбова съ его 2 ротами прогнать непріятеля. Въ это время кн. Воронцовъ со штабомъ ѣхалъ встрѣтить эти новоприбывшіе баталіоны. Завязалась перестрѣлка. Надъ оврагомъ былъ въ копнахъ снятый хлѣбъ; стрѣлки залегли, а Глѣбовъ пѣшкомъ ходилъ между ними. Непріятель былъ на близкомъ разстояніи, и пули свистѣли даже мимо свиты кн. Воронцова. Кого-то подняли на носилки. Кн. Воронцовъ сказалъ гр. Гейдену посмотрѣть, не Глѣбовъ ли это. Гейденъ поскакалъ и воротился съ горькими словами. „Глѣбовъ раненъ въ голову“. — „Ахъ, бѣдный Глѣбовъ, опять“, произнесъ старикъ съ грустью. Принесли носилки, пуля попала надъ глазомъ; Глѣбовъ еще дышалъ, но глаза очень вдругъ оцухли, надежды не было никакой. Кн. Козловскій тотчасъ же вынулъ у него изъ кармана все, что было, а были тамъ письма, которыя компрометтировали бы одну женщину, которую всѣ любили. Глѣбовъ былъ хорошій товарищъ, лихой офицеръ, онъ попробовалъ Кавказа, посланный туда въ экспедицію изъ конной гвардіи; ему : то полюбилось, и онъ остался адъютантомъ у Нейдгарта. Рука была на повязкѣ и не служила, ротъ нѣсколько прикривленъ отъ раны въ лицо, нога прихрамывала отъ пули. Но онъ все ходилъ въ экспедиціи и рѣдко возвращался не раненый. Безработный, безъ денегъ, безъ родныхъ, онъ былъ очень храбръ и всегда очень влюбленъ въ кого-нибудь. Въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ зимою, его очень баловали. Онъ живо дѣйствовалъ на воображеніе молодежи своею отвагою, военными походами и свѣтскими успѣхами и былъ очень популяренъ, хотя часто раздражался, не любилъ нѣмцевъ, ссорился иногда, но все это приписывалось болѣзненному настроенію. Разъ, когда онъ проѣзжалъ по линіи курьеромъ, горцы его взяли въ плѣнъ, привязали къ лошади и вплавь черезъ рѣку протащили въ горы едва живого отъ изнеможенія. Онъ просидѣлъ въ плѣну, кажется въ сырой ямѣ, куда спускали по веревкѣ воду и сухой хлѣбъ. Выкупъ, котораго ожидали горцы, не приходилъ, потому что былъ запрещенъ, чтобы отвадить

горцевъ подстерегать нашихъ, въ ожиданіи за cadaго получить деньги, но выкрасть плѣннаго допускалось. Если находился такой смѣльчакъ изъ мирныхъ горцевъ, съ нимъ стоваривался кто-нибудь изъ начальниковъ и потомъ ему платили серьезную сумму. Такъ былъ выкраденъ изъ ямы Глѣбовъ и въ одну ночь привезенъ на линію. Эти оба путешествія и жизнь въ ямѣ разстроили его здоровье, но онъ велъ прежнюю беззаботную жизнь.

На другой день мы проводили гробъ, привязанный къ двумъ лошадямъ на носилкахъ. Въ Шурѣ его встрѣтили слезы, которыхъ не скрывали. Въ Тифлисѣ его смерть отозвалась горькими слезами, которыя нужно было скрывать во что бы то ни стало. Его было жаль и какъ товарища, и какъ офицера блестящей храбрости, у котораго могло быть еще многое впереди.

Осадныя работы шли; начали выдаваться однообразные дни. Я жилъ въ палаткѣ съ бар. Деллингсгаузенемъ, адъютантомъ Коцебу, прикомандированнымъ къ нашему отряду, отличный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человекъ (теперь командиръ корпуса). Иногда собирались завтракать у Дундукова, иногда засиживались, подавался арбузъ, въ который клали абрикосовъ и вливали бутылку рома. Кн. Воронцовъ, узнавъ отъ сына объ этомъ, приказалъ себѣ сдѣлать то же самое и нашель это очень вкуснымъ. Обѣдъ его для цѣлаго штаба состоялъ обыкновенно изъ супа и баранины. Его докторъ, Андреевскій, завѣдывалъ хозяйствомъ походнымъ и получалъ за спиною всю брань штабныхъ, когда было плохо или когда въ экспедиціи были стаканы, съ которыхъ позолота сошла внутри, или кахетинскаго было мало. Кн. Воронцовъ всегда самъ обѣдалъ со штабомъ и приглашалъ многихъ и за обѣдомъ рассказывалъ много анекдотовъ изъ кампаніи 12 и 14 г. Но скоро старикъ вынужденъ былъ запереться въ совершенно темную палатку и не выходить, такъ у него разболѣлись глаза. Каково было выдержать это, когда драма Салтинская приближалась уже къ концу.

9 сентября былъ назначенъ штурмъ аула. До разсвѣта всѣ собрались въ траншеяхъ, но наученные неудачею Гергебиля намѣревались овладѣть ауломъ постепенно: сначала разбить стѣну и на ней укрѣпиться съ батареями, чтобы откуда громить внутренность аула. Всѣ распоряженія этого дня были удачны. Коцебу по повѣреннымъ часамъ у всѣхъ батарейныхъ командировъ началъ и кончалъ сильную бомбардировку аула. Затѣмъ заложеныя мины подъ стѣною взорвали часть стѣны; охотники быстро заняли воронки отъ взрывовъ и часть стѣны и стали

прикрываться, складывая изъ камней себѣ завалы. Непрiятель однако же скоро опомнился и открылъ огонь изъ разныхъ щелей аула, неувомимыхъ, почти изъ-подъ земли, кромѣ того сталъ бросать массу камня, остраго, который ранилъ въ голову и ушибалъ больно вездѣ, гдѣ попадалъ. Аргутинскiй пошелъ поблагодарить охотниковъ; на лѣвомъ флангѣ ихъ были драгуны, между ними мой прiятель Беклешевъ. Онъ ужасно рвался въ охотники, и когда я говорилъ объ этомъ Аргутинскому, онъ не соглашался. „Что тебѣ за охота, Н. В., брать на свою душу“, говорилъ онъ мнѣ, „одинъ сынъ у матери, будутъ еще случаи отличиться“. Здѣсь, увидавъ молодого человѣка съ повязанной головой, онъ похвалилъ его и поздравилъ его съ Георгиемъ. Восхищенный Беклешевъ просилъ въ эту минуту одной только награды, и я подѣлился съ нимъ моими папиросами. Однако же не всѣмъ обошло это дешево. Выйдя влѣво изъ траншеи, мы замѣтили, что одинъ изъ баталiоновъ, поддерживавшихъ охотниковъ, въ увлеченiи атаки прошелъ слишкомъ влѣво отъ охотниковъ и наткнулся на неразрушенную часть стѣны и залегъ подъ стѣною; непрiятель сверху стѣны разстрѣливалъ его и забрасывалъ камнями. Нужно было его тотчасъ же убрать оттуда. Аргутинскiй разсердился, хотѣлъ послать кого-нибудь сказать тупому батальонному командзру Пригарѣ, чтобъ сейчасъ же отступалъ. До стѣны аула было сажень сто совершенно открытаго мѣста. Съ нимъ было только насъ двое: я и ротмистръ Адиль Гирей (состоявшiй при кн. Воронцовѣ). Я однако же замѣтилъ, что Аргутинскiй хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но повернулся къ Адиль Гирею и послалъ его къ стѣнѣ. Мѣсто было скверное, мы остались ждать исполненiя, да и Адиль Гирей легко могъ быть раненъ, нужно было кому-нибудь передать приказанiе. Однако же онъ дошелъ благополучно, но когда баталiонъ поднялся, чтобы быстро отступить, много черныхъ пятенъ осталось навсегда подъ стѣною. Тяжело останавливаться на мысли, что при поспѣшности ухода остались подъ стѣною можетъ быть не одни убитые. Возвратившагося Адиль Гирея Аргутинскiй похвалилъ, а маiора Пригару разругалъ страшно и подѣломъ, за напрасную потерю въ батальонѣ, что совершенно зависѣло отъ его неумѣнья владѣть батальономъ въ огнѣ. Пригара положилъ себѣ на животъ и грудь дестъ писчей бумаги, и дѣйствительно одна пуля попала и не пробила ее. Аргутинскiй, узнавъ объ этомъ, еще разъ разругалъ его.

Не знаю, какимъ способомъ, но острые, небольшiе камни летѣли въ намъ изъ аула во множествѣ, такой попалъ мнѣ

въ ногу, когда я шель сзади Коцебу. Отъ боли я невольно произнесъ непечатное восклицаніе, Коцебу обернулся. „Peut on jurer de cette manière, mon cher“¹⁾, проговорилъ чопорно Коцебу и зѣвнѣ вслѣдъ, отъ попавшаго въ него камня, не удержался отъ рѣзкаго слова. Пока стѣнка устраивалась, какъ новое закрытіе, и насыпались барбеты для орудій, перестрѣлка шла. Гдѣ-то въ укромномъ уголку траншеи пріютился поваръ кн. Козловскаго, по фамиліи Зубокъ, и жарилъ бараній шашлыкъ; мы по очереди его навѣщали. Зубокъ былъ и хорошій стрѣлокъ, непрочъ отъ времени до времени пролѣзть на стѣнку и пустить пулю въ ауль. Кажется, впоследствии онъ гдѣ-то былъ подстрѣленъ не за свое дѣло, а поваръ былъ прекрасный для похода.

Къ вечеру эта новая ограда, командующая внутренностью аула, была вооружена артиллеріей, и полковникъ Захаръ Степановичъ Манюкинъ съ Мингрельскими батальонами поставленъ охранять новую позицію. Когда все было сдѣлано, мы воротились въ лагерь. Ночью Манюкинъ выдержалъ неоднократное нападеніе, горцы не разъ старались овладѣть орудіями, рукопашный бой былъ безпрестанный, мы были слишкомъ близко къ непріятелю, но Манюкинъ, весь избитый камнями, удержался. Ауль внутри представлялъ груды стѣнъ каменныхъ, въ которыхъ разобрать ничего было нельзя, но изъ невидимыхъ дыръ безпрестанно показывался дымокъ. Горцы сидѣли въ какихъ-то подземельяхъ, и наши артиллерійскіе снаряды терялись въ этой грудѣ камней.

13 сентября рѣшились овладѣть частью аула, которая виситъ на единственномъ пути отступленія гарнизона, надъ обрывомъ. Съ разсвѣтомъ, послѣ получасоваго бомбардированія со всѣхъ батарей, охотники вскочили въ ауль и быстро заняли его часть, которая была отдѣлена отъ остальной еще цѣльными, высокими стѣнами. Непритель, ошеломленный артиллерійскимъ огнемъ, куда-то запрятался, выстрѣловъ отъ него не было. Я смотрѣлъ черезъ стѣну въ ауль, стоя на барбетѣ орудія, и сталъ звать Аргутинскаго подняться посмотреть, какъ хорошо охотники занимаютъ ауль. Онъ отвѣчалъ, что уже видѣлъ, „а впрочемъ, дайте мнѣ руку, любезный“. Я помогъ ему вскарабкаться на барбетъ.

Онъ только взглянулъ черезъ стѣну и присѣлъ, схватившись за щеку. „Я раненъ“, сказалъ онъ. „Это камень, князь“. Мы

¹⁾ „Можно ли такъ браниться, милый мой“.

спустили его съ барбета и съ помощью Дундукова и Сергѣя Васильчикова повели назадъ въ траншеи. „Возвратитесь, господа, на свои мѣста, я дойду“. Ему сдѣлали операцію въ траншеяхъ. Пуля попала ему въ щеку и вышла за ухомъ, къ счастью, ничего не повредивъ. Но я не могъ однако же внутренно не сознаться, что сдѣлалъ большую глупость, приглашая старика смотрѣть черезъ стѣну, пуля, на волосъ только отклонившись, могла бы убить его. Начальника нельзя выставлять и объ этомъ нужно не забывать въ собственномъ увлеченіи.

Коцебу принялъ начальство. Охотники рвались черезъ неразрушенныя стѣны аула, стрѣльба и крики „ура!“ были страшные. Коцебу остановилъ однако же это, потери были бы напрасны: разгоряченныя штурмомъ войска могли бы попасть въ какія-нибудь подготовленныя трупы. Занятое мѣсто имѣло саж. 100 или 150 квадратныхъ. Слѣдовало удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлано, несмотря на всѣ возгласы и подсказыванія нѣкоторыхъ, что нужно воспользоваться настроеніемъ войскъ и занять весь аулъ. Кипятился особенно датскій офицеръ Дюпло, храбрый и славный офицеръ. Однако же стоило не малаго труда успокоить войска. Скоро оказалось, что занятое мѣсто имѣетъ что-то пустое подъ собой.

Нѣсколько человѣкъ было ранено изъ-подъ земли. Смѣльчаки спустились по крутой стѣнкѣ оврага, чтобы высмотрѣть, откуда выстрѣлы—оказалось подземное помѣщеніе, заложное сверху хворостомъ и землею. Человѣкъ 15 отчаянныхъ горцевъ засѣли и не сдаются, несмотря на всѣ уговоры нашихъ татаръ. Стали бросать въ нихъ ручныя гранаты, они ихъ выбрасывали въ оврагъ. Это длилось часа два. Наконецъ согласились выйти, повѣривъ, что ихъ оставятъ живыми. Такъ и вывели одного за другимъ этихъ звѣрей. У входа въ это логовище стоялъ молодой саперный юнкеръ. Одинъ изъ выходившихъ, въ остервенѣніи, замахнулся на него кинжаломъ; тогда нашъ татаринъ ловко вырвалъ у него кинжалъ, пригнулъ его на колѣни, и я слышалъ только звукъ кинжала по бритой головѣ, какъ по сахарной, и видѣлъ, какъ онъ полетѣлъ въ кручу. Но этотъ былъ самъ виновать, остальные остались живы.

День уже склонялся къ вечеру; для войска тоже онъ оканчивался и, можно сказать, безъ большахъ потерь. Повсюду шли работы прикрытія и укрѣпленія на ночь, въ ожиданіи послѣднихъ отчаянныхъ усилій горцевъ. Солнце садилось на нашу сторону, стѣнка, отдѣлявшая нашихъ стрѣлковъ отъ непріятеля, была саженьяхъ въ 15; она была сложена изъ каменьева разру-

Моисев Захаровича не опасна. Обнимите меня, любезный Исаковъ". Я ощупью нашель его сидящимъ на кровати, сверхъ сюртука я нащупалъ на немъ шелковый теплый халатъ. Когда я выходилъ изъ палатки, запыхавшійся толстый Потоцкій, присѣвъ, чтобы перевести духъ, могъ только выговорить: „Непріятель бѣжитъ изъ аула“. Я поскакалъ на лѣвый флангъ нашей позиціи, ближайшей къ аулу. Тамъ командовалъ кн. Александръ Гагаринъ. Вмѣсто отвѣта я нашель его съ офицерами сидящими впереди своихъ укрѣпленій окруженными солдатами. „Вотъ, какъ видите“, отвѣчалъ онъ мнѣ. Въ аулѣ были слышны крики, въ садахъ выстрѣлы, изрѣдка пушечные. Ясно было, что непріятель бѣжалъ изъ аула и спасался черезъ сады. Въ одну секунду извѣстіе разнеслось по всему лагерю. Я поѣхалъ сказать кн. Воронцову, что видно и слышно изъ ближайшихъ къ аулу пунктовъ, и поспѣшилъ къ кн. Аргутинскому. Уже я зналъ вскорѣ послѣ первой перевязки его раны, что она неопасна. Я нашель его въ постели. „Я прошу у васъ извиненія, князь, за мою непростительную неосторожность; зачѣмъ мнѣ было указывать вамъ это глухое мѣсто на батарее“. На это мое искреннее извиненіе при входѣ въ палатку, онъ отвѣтилъ шуткой: „Ничего, любезный Н. В. Мы свои—люди сочтемся, я тебя тоже подведу“.— „Это будетъ плохо для меня, князь. До сихъ поръ вы меня не подводили, я даже замѣтилъ, когда нужно было вызвать Пригару изъ-подъ стѣны, вы начали приказаніе въ мою сторону, а кончили его, обращаясь къ Адиль Гирею“. „Нѣтъ, любезный, извини: за мною этого не водится, когда дѣло требуетъ, я не жалѣю никого, какъ и себя не жалѣю“. Затѣмъ мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать, что съ Гейденомъ. Палатка его была наглухо закрыта, казакъ, дремавшій у ея входа, сказалъ, что никого пускать не велѣно. Я узналъ въ штабѣ, что Пироговъ объявилъ, что рана опасна и только послѣ переведенной ночи можно будетъ сказать что-нибудь опредѣленное. Бѣдному Фрицу Гейдену тяжела была эта ночь; 10 шансовъ противъ одного было въ пользу смертнаго приговора. Мы всѣ его чрезвычайно любили и жалѣли. И всего-то было только минутное любопытство, платиться за него жизнью было тяжело.

Наконецъ весь шумъ и гвалтъ въ аулѣ и салахъ утихъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ аула уже показались огни: солдатики не утерпѣли и подожгли. Натянутые нервы въ теченіе 70 дней нѣсколько распустились. Сонъ въ лагерьѣ былъ благотворный, только въ передовыхъ частяхъ еще долго былъ говоръ. Въ одинъ часъ все преобразилось: непріятель исчезъ, экспедиція кончена,

на нынѣшній годъ мерещится только отдыхъ въ штабъ-квартирахъ. Зима—значить передышка.

На разсвѣтѣ выйдя изъ палатки, какъ будто все переимѣнилось: великолѣпное морозное утро, нигдѣ ни одного выстрѣла, аулъ весь въ огнѣ, какъ жаровня. Конечно, нужно испытать это чувство, чтобы знать, какъ оно пріятно.

Другія заботы начались: нужно отправить раненыхъ, похоронить тѣла, тяжелыя орудія спроводить. Прежде всего я пошелъ узнать, что Гейденъ. Прихожу, палатка настезь открыта, Гейденъ сидитъ на постели въ красной канаусовой рубашкѣ, сіяющій. „Что, Фрицъ, какъ ты?“.—„Пироговъ сейчасъ осматривалъ, сказалъ, что буду живъ“. Я его крѣпко обнялъ и крѣпко былъ радъ.

Въ аулѣ я нашелъ цѣлый лабиринтъ саклей, соединенныхъ между собой завалами, какими-то подземными ходами, повсюду продѣланы дыры для бойницъ, вездѣ мѣста прикрыты сверху отъ нашихъ ядеръ и гранатъ; какія-то разбросанныя тряпки отъ одежды, смрадъ отъ неубранныхъ тѣлъ, бродящіе солдатики. Во многія мѣста нельзя было проникнуть отъ огня. Вотъ все, что осталось трофеями 70 дней борьбы и нашихъ потерь. Я невольно подумалъ, что на будущій годъ мы навѣрное найдемъ аулъ возобновленнымъ, и волна опять залетѣтъ нашъ кровавый слѣдъ, и опять придетъ очередь вновь брать Салты.

Сообщилъ П. Н. Исаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
